

По следам
одного письма

НУРХОН умирала. В зале плакала девочка. Над чужой, далекой и близкой судьбой. Их разделяли десятилетия. Нурхон, героиню пьесы, первую узбекскую актрису, шагившую из пещеры на сцену, разорвав сплетные предрассудки, заплакала за это мужеством и смертью. Девочку с веселыми заплаканными глазами, на час огорченную смертью героини и забывшую об этом сразу после спектакля, потому что жизнь полна радости.

Их разделяют десятилетия, отстоявшие для женщины право на радость...

Хатича Алимарданова стала актрисой. Ей не было и двадцати, когда прямая дорога привела ее из самодеятельности на сцену Наманганского музыкально-драматического театра. Она была обыкновенной девочкой, может быть, чуть грубоватой, излучившей легкомысленной. Но она только начала свою биографию и впервые решила «делать жизнь с коготь». Она хотела делать ее с мужественной Нурхон, с верной Ширин, с самоотверженной Корделии. Теперь Хатича смотрела на них не из зрительного зала: она встречалась с ними каждый день — терлась, слушала их советы на репетициях, удивлялась собственному счастью, называла их просто по именам: «Здравствуйте, Онанх-анал». Она не отделила тех, с кем ежедневно встречалась за кулисами, от героев, которых они создавали на сцене.

И когда впервые она услышала от Мукаррам Азизовой, заслуженной артистки республики, грубое слово, она не поверила себе и ей. Но шло дни, и Хатича больше не удивлялась — она привычно принимала все —

брань, пьянство, порой даже драки. Ей было всего двадцать, и она поверила — раз так поступают те, чье имя привлекало видеть на театральных афишах, значит так поступать можно.

А еще через некоторое время Хатича ушла из театра и в полном смысле слова «бежала» из Намангана, не выдержав постоянных стычек с Азизовой, не в силах ничего противопоставить грязным подозрениям ревнивой женщины, обидам и угрозам.

Об этом написала в редакцию мать Хатичи: Алимардановой, старая коммунистка Нафиса Мухаммедова,

взглядов, ни устоявшегося характера.

Театр для них — не только место работы и школа воспитания характера. Гоголь называл театр «кафедрой, с которой можно сказать людям добро». Говорить людям добро — право на это дают не только талант и мастерство, но и высокие человеческие качества. И прежде чем начинающая актриса овладеет законами сцены, она должна овладеть высшими законами человеческого отношения. Этому должны научить ее старшие товарищи.

НА СЦЕНЕ
И ЗА КУЛИСАМИ

Может быть, не стоило бы много говорить об этой истории, если бы это была лишь история взаимоотношений двух женщин, между которыми остались ревность, взаимоотношения сложных и трюковых, где редко можно найти правого и упрекнуть виноватого. Но слишком уж много «историй» за кулисами Наманганского театра. В этом не так уж большим городе можно встретить балерину, работающую санитаркой, талантливого бубниста, ставшего чайханщиком, заслуженную артистку республики, стоящую за прилавком магазина. Эти люди сохранили талант и любовь к искусству. Почему же они оставили театр? Почему ушли из театра Сохон Игамбердыева и Санобар Ибраимова, Малюда Алиева и Турсунхон Мамедова?

Может быть, причина — в творческих разногласиях, в том, что молодым актрисам негде приложить свои способности? Нет. У Наманганского театра богатый и разнообразный репертуар: на его сцене можно было увидеть «Отелло» и лермонтовских «Испанцев», «Чипполини» и «Дочь Ганга», пьесы узбекских авторов «Найона», «Дядя и племянники», «Свет над Гульджой». Есть где развернуться молодым талантам. И никто не мешал им развлекаться: «Чипполини» — спектакль почти полностью молодежный, а «Дядя и племянники» занял немало молодых, в «Кордас Лире» Корделии играет недавняя выпускница Ташкентского театрального института Тамара Джаббаровна. В чем же дело? Все, кого мы упомянули, ушли в разное время и по разным причинам, на первый взгляд не имеющим отношения к театральным делам. Но почему вдруг в одном коллективе сразу столько неуживчивых характеров, легкомысленных поступков?

Приходят в театр совсем юные девушки, такие, как Хатича Алимарданова, часто прямо со школьной скамьи, из кружков художественной самодеятельности. Ни творческого, ни жизненного опыта, ни сложившихся

моральных взглядов, ни устоявшегося характера. Театр для них — не только место работы и школа воспитания характера. Гоголь называл театр «кафедрой, с которой можно сказать людям добро». Говорить людям добро — право на это дают не только талант и мастерство, но и высокие человеческие качества. И прежде чем начинающая актриса овладеет законами сцены, она должна овладеть высшими законами человеческого отношения. Этому должны научить ее старшие товарищи.

Девушки, которые ушли из театра, уходили из него по разным причинам. И мы вовсе не хотим утверждать, что именно кто-то из старших актеров конкретно виноват в этом. Конечно же, нет. Виновата обстановка, сложившаяся за кулисами театра, — сплетни, брань, безалаберное нарушение любых этических норм, обстановка, в которой трудно сохранить женское достоинство, чистоту и верность каким-либо принципам.

Там, «сплетниваются» молодые актрисы. Борются ли с этим в театре? Руководство театра, его директор Абдужан Камалов, конечно, понимают, что многое надо бы изменить, пытаются сделать это, но, к сожалению, еще больше, чем положение в театре, их тревожит другое — как бы не вынести сор из избы. И потому, беседа с нами о Хатиче Алимардановой, директор только разводил руками:

— Нет, я ничего не слышал... Почему ушла из театра? А она у нас в штате и не работала. Выступала по

договору в концертной бригаде. Ну, а потом выяснилось, что таланта мало — ушли...

Если это так, почему же к моменту нашего разговора (через два месяца после ухода Хатичи) приказа о ее увольнении еще даже не существовало?

Главный художник театра (он же парторг театра) Муталиф Аббасов рассказало о том же самым несколько по-иному:

— Да, работала в штате. Кажется, не поладила с режиссером и перестала выходить на работу...

Но с кем бы мы ни говорили, каждый все-таки не мог не обмолвиться — да, Азизова ведет себя не совсем правильно. Так почему же вы стараетесь замолчать все это, товарищи Аббасов и Камалов? Вы плохо отзываетесь о Хатиче, но разве не ваш

долг — помочь двадцатилетней девушке найти настоящую дорогу? И разве можно воспитывать молодых в обстановке лжи и трусливого молчания?

Обо всем этом мы говорили в горьком комсомоле, где хранится учетная карточка Хатичи Алимардановой (кстати, о том, что сама комсомолка вот уже два месяца живет в другом городе, здесь узнали только из нашего разговора).

Нельзя сказать, что горьком совсем не занимался делами театра. Поведение одной из актрис даже обсуждалось на бюро горкома. Но серьезных, глубоких выводов о положении в театре горьком для себя не сделал. Хотя направляются эти выводы сами собой. В театре, коллективе которого составляет около 100 человек, всего три (а теперь уже только две) комсомолки-узбечки. В этом коллективе женщин в пять раз меньше, чем мужчин. Не странно ли это? Ведь издавна, с первых лет революции, театр в Узбекистане помогал женщине выйти из-за глухого семейного дукала в мир работы и борьбы. Он не только завел ее к этому со сцены, он вводил ее, никогда не знавшую радости творчества, в трудовую будничность кулис — стать актрисой значило прорвать привычную серость чужаки, научиться сражаться за право под солнцем для себя и своих подруг. За это — не на сцене — умирали Нурхон. Неужели вы совершенно забыли, знаете ли... Разве с этим можно бороться?

И удивительно, и больно было слышать в Намангане частую презрительную ухмыляющуюся фразу: «В актрисы пошла...» В ней — обидный и горький смысл, несомненный по зависти и труду советской актрисы.

— Ну что мы можем сделать? — вздыхает секретарь Наманганского горкома комсомола т. Рахматов. — Пример старших, знаете ли... Разве с этим можно бороться?

С этим нужно, с этим нельзя не бороться, т. Рахматов! Вы совершенно правы: воспитание молодых

актеров неразрывно связано с преодолением той обстановки в театре, которая создавалась «усидиями» некоторых представителей старшего поколения. И может быть, в этой борьбе не всего вам удастся добиться своими комсомольскими силами. Ну что ж. Уставом комсомола вам предоставлено право обратиться за помощью в Министерство культуры, в горком партии. Вас обязательно поддержат. Только боритесь!

И. ШОФМАН.
(Наш спецкор).